

хомъ и отдохнуть отъ упорнаго, напряженнаго труда. Но онъ былъ не таковъ.

Его томила жажда самосовершенствованія, онъ все стремился идти впередъ и впередъ.

Надо познакомить читателей съ тѣмъ, какъ играли въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Тогдашняя манера актеровъ совсѣмъ была не похожа на теперешнюю. Когда Щепкинъ начиналъ свою карьеру, то онъ засталъ въ полномъ расцвѣтѣ господство крикливой, неестественной декламаци и необузданное злоупотребленіе вычурными жестами, сопровождавшими, какъ онъ самъ говоритъ, „почти каждое слово“. Такія неизбѣжныя во всякой трагедіи слова, какъ любовь, страсть, измѣна, не говорились по-человѣчески, а выкрикивались, по словамъ Михаила Семеновича, „такъ громко, какъ только доставало силы въ человѣкѣ“. Вслѣдствіе погони за ложными эффектами, которыми актеры срывали себѣ у чувствительной публики вѣрныя и неистовыя аплодисменты, выработалась традиція, возлагавшая на служителей Мельпомены обязанность строго держаться правилъ, которыхъ никто не дерзалъ нарушать; такъ, напримѣръ, когда актеръ кончилъ какой-нибудь сильный монологъ, послѣ котораго долженъ былъ уходить, то театральнѣйшій катехизисъ требовалъ не иначе удаляться со сцены за кулисы, какъ поднимавъ кверху правую руку. Насколько актеры боялись нарушить эти обязательныя традиціонныя приемы, это видно изъ того комическаго случая, свидѣтелемъ котораго былъ Щепкинъ. Одинъ изъ его товарищей, окончивъ тираду и удаляясь со сцены, забылъ поднять вверхъ руку.